

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя
Какая повседневность требует укрощения 5

I. Вокруг Элиаса

Михаил Велижев
«Цивилизация» Норберта Элиаса: за и против 12

Мария Неклюдова
Об одном примечании Норберта Элиаса 34

Мария Майофис
Создавая общества контроля:
Норберт Элиас и Антон Макаренко в 1930-е годы 58

II. Укрощение тела

Екатерина Михайлова-Смольнякова
От женской забавы к занятию настоящего дворянина:
социальные, культурные и гендерные модели в первых
итальянских учебниках танца XVI века 82

Андрей Голубков
Французские *apa* XVII–XIX веков как
(псевдо)дидактические тексты: случай *Peteriana* 110

Ольга Вайнштейн
«Уменье хорошо одеваться»:
вестиментарные императивы эпохи модерна 155

Ксения Гусарова
Невозможная фигура: женское тело
в онлайн-руководствах по позированию 186

III. Кодификация (письменного) поведения

Анна Стогова

Модный образ жизни и эпистолярная культура
во французских письмовниках XVII века 220

Вера Мильчина

«Кодекс литератора и журналиста» (1829) —
манифест «промышленной литературы» 245

IV. Переводные нравы

Ольга Кошелева

Воспитание вежливости:
столкновение западноевропейских и отечественных
речевых практик в России раннего Нового времени . . . 274

Анастасия Лыцова

«Бедная девица», которая «объята нежностью
и удивлением»: переводы текстов Ф. Фенелона
о женском воспитании в России XVIII века 294

V. Публичное и частное

Анастасия Преображенская

«А судъ безъ милости не сотворшымъ милости»:
к проблеме личного благочестия русских монахов. 322

Дмитрий Калугин

Жизнь публичная и приватная в мемуарах XVIII века:
Б. И. Куракин — И. И. Неплюев. 346

*Екатерина Лапина-Кратасюк, Анна Правдюк,
Анна Екомасова*

Правила обращения с царями:
частная жизнь монаршей семьи как предмет
общественной дискуссии и исторической рефлексии
(на примере сериалов о династии Романовых) 374

VI. Визуальные коды

Дарья Панайотти

Пропаганда и образ повседневности:
парадигма гуманистической фотографии
в СССР 1950–1960-х годов 400

Ксения Ермишина

Воспитание советской молодежи посредством
«школьного» кино в период оттепели:
как государственный заказ спас
фильм «Доживем до понедельника» от «полки» 422

Роман Красильников

«Укрощение повседневности»
в фильмах-путешествиях В. В. Познера 440

Об авторах 451

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

КАКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ТРЕБУЕТ УКРОЩЕНИЯ

В книге «Полезные советы», вышедшей в 1959 году, мы читаем следующие рекомендации:

Но вот вечер окончен. Пора расходиться. (Можно с вечера уйти и раньше, незамеченным, обязательно только простившись с хозяйкой.) Желательно, чтобы молодые люди изъявили желание проводить стариков, инвалидов или педагога, если он был на вечере. Юноши могут провожать девушек¹.

Императивное требование, отчасти замаскированное безличной структурой («пора расходиться»), сочетается в приведенном фрагменте с рекомендацией («желательно») и с выбором опций («можно уйти», «могут провожать»), тем самым обозначая границы дозволенного. Несмотря на то что этот текст опубликован в советскую эпоху, он выглядит как «вневременной» — что является характерной чертой этого жанра, хотя упоминание в одном ряду стариков и инвалидов можно считать косвенным указанием на послевоенный период. Тем не менее здесь подразумевается определенный тип и состояние общества, где поведенческие конвенции не являются само собой разумеющимися. Уважение к старшим, галантное поведение по отношению к женщинам, соблюдение правил вежливости — все это воспитуемые навыки, а отнюдь не врожденные инстинкты.

Этой оптикой — умением разглядеть за банальными рекомендациями общие социальные установки — мы безусловно

---

¹ Полезные советы. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1959. С. 214.

обязаны Норберту Элиасу и его магистральному труду «О процессе цивилизации» (1939). Элиас открыл для историков целый пласт литературы, ранее не привлекавший их внимания. Анализируя учебники хороших манер, от средневековых текстов вплоть до середины XIX века, он показал, как в ситуации конкуренции элит и усиления государства изменялась чувствительность европейского человека, подвергавшегося все более суровой «дрессуре» для полноценного вхождения в общество. Элиас рассматривал прежде всего телесные и физиологические привычки, связанные со сном, едой, отправлением естественных потребностей, сосуществованием в едином пространстве с другими и т. д. Выстроенная им генеалогия во многом опиралась на трактат Эразма Роттердамского «О приличии детских нравов» (*De civilitate morum puerilium*), который сыграл огромную роль в формировании общеевропейских поведенческих конвенций, о чем свидетельствует его усиленная циркуляция вплоть до середины XIX века. С точки зрения Элиаса, проповедуемая Эразмом доктрина «золотой середины», то есть подавления «животных» импульсов при сохранении «естественности» человеческих реакций, представляет раннюю стадию внедрения (само)контроля, затем постоянно усиливавшегося.

В другой известной работе, посвященной придворному обществу — особому типу социальной организации, сложившемуся в европейских странах в XVI–XVIII веках, — Элиас анализировал его функцию в рамках политической структуры абсолютизма. Как суммировал его точку зрения Роже Шартье¹, формирование придворного общества неотделимо от абсолютистского государства, где правитель обладает двойной монополией — фискальной и монополией на законное насилие. Обе отняты у аристократии, которая теперь может частично ими пользоваться лишь в непосредственной близости к власти. Специфика французского общества раннего Нового времени состоит в том, что там существовали две правящие группы (дворянство шпаги и дворянство

¹ См.: *Chartier R. Formation sociale et économie psychique: la société de cour dans le procès de civilisation // Norbert Elias. La société de cour. Paris: Flammarion, 1985.*

мантии), чьи интересы были достаточно близки, но которые находились в отношениях конкуренции, что делало возможным абсолютную власть короля. Механизмом регуляции их взаимодействия и был двор. Королевский двор — это строго ограниченное пространство, внутри которого существует практически весь социальный спектр: от королевского семейства, принцев крови, герцогов и пэров к министрам (часто более низкого, то есть буржуазного, происхождения), нетитулованным дворянам, магистратам (опять-таки, как правило, буржуа), представителям разных профессий (врачи, учителя, музыканты, архитекторы и пр.) и слугам разных уровней. Отсюда необходимость постоянного утверждения и поддержания символических различий между соприкасающимися группами, которая острее всего ощущается при дворе, но распространяется и за его пределы. Двор определяет престижные культурные модели, которые становятся предметом для подражания: вспомним мольеровского мещанина во дворянстве, который хотел двигаться и говорить так, как это делают люди благородного происхождения. Однако циркуляция культурных моделей не является односторонней; они не просто спускаются сверху вниз, но находятся в состоянии конкурентной борьбы. Буржуазия стремится имитировать поведение дворянства, поэтому дворянство вынуждено все время умножать требования к манерам, чтобы сохранить отличие.

В «Придворном обществе» Элиас говорит о политическом «укрощении» дворянства посредством двора, отчасти за счет этой системы символических отличий, включавших и манеру поведения. Ее внедрение непосредственно связано с той более общей «дрессурой», о которой идет речь в труде «О процессе цивилизации», когда по мере изменения правил общежития европейский человек начинает усваивать «хорошие манеры» и воспринимать их как естественные, а не навязанные извне. Обе метафоры дают удобную точку отсчета, когда мы работаем с текстами, в которых фиксируются правильные (нормативные) модели поведения. Не существенно, берем ли мы учебники хороших манер, придворные трактаты, кодексы поведения, книги о домоводстве, и т. д.

и т. п., все они представляют попытку «укротить» обыденную жизнь, систематизировать различные, часто не связанные друг с другом практики. Эта риторическая «дрессура» безусловно имеет отношение к действительности, хотя не является ни ее прямым отражением, ни полностью реализуемой программой.

Однако повседневность, «укрощению» которой посвящена эта книга, отнюдь не ограничивается непосредственными стратегиями контроля обыденного существования. Не будем забывать, что формирование повседневности как самостоятельного исследовательского поля стало одной из поворотных точек в развитии историко-культурного знания второй половины XX века. При всех национальных вариациях изучение повседневности внутренне противостоит «большой истории», демократизируя ее, сосредоточиваясь на том, что раньше относилось к области антропологического знания или анекдотических источников — бытовом поведении, частной жизни, частных отношениях, массовых представлениях и репрезентациях. Такой подход чреват рядом проблем: это отсутствие и четко обозначенных границ предмета, и устоявшихся методов и техник работы с ним. Как в свое время говорил Борис Дубин, трудность изучения повседневности состоит в том, что за этим обозначением стоит не столько открытие новых источников информации, сколько изменение исследовательской оптики. Иными словами, повседневность является аналитической категорией, а не объективной реальностью, хотя порой это не принимается в расчет. Когда Фернан Бродель писал о «структурах повседневности», то, заметим, речь шла о возможном и невозможном, то есть о двух системах выстраивания культурных ожиданий, обе из которых не обязательно соответствуют тому, «как это было на самом деле»¹.

Итак, для нас «укрощение» повседневности происходит сразу на двух уровнях, один из которых связан с регуляцией обыденных практик, а другой — с осмыслением научных

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.

процедур по их изучению. Именно поэтому мы начинаем с обсуждения наследия Элиаса, его рецепции в современной науке и существовавших параллельно с ним концепций культурного развития. Следующей важной темой, непосредственно восходящей к работе «О процессе цивилизации», становится рассмотрение способов контроля тела, от движения (танца) к физиологическим функциям и способам презентации (как посредством одежды, так и при помощи фотографии). Далее мы переходим к проблеме кодификации, то есть осмысления меняющихся правил поведения, будь то внутри одной группы или в обществе в целом, и к транслированию этих кодов как во времени, так и в пространстве. Не случайно тут возникает вопрос о разграничении публичных и частных практик, в высшей степени релевантный и для раннего Нового времени, и для нашей эпохи. Наконец, последним этапом исследования становится изучение медиа, которые одновременно фиксируют и формируют обыденное — и нередко научное — представление о повседневности.

В основу книги положены материалы конференции «Укрощение повседневности: нормативная литература и поведенческие стратегии Нового времени», которая была организована Школой актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС 29–30 ноября 2018 года.